

Библейские перформативы предписания в словенском языке

ЙОЖЕФ КРЕКИЧ

KRÉKITS József, SZTE JGYTFK Orosz Tanszék, Szeged, Hattyas sor 10., H-6725

Abstract: The paper analyses the prescriptive Biblical performative verbs *zapovedovati* (*zapovedujem*), *ukazovati* (*ukazujem*), *naročati* (*naročam*) and constructions such as *to je moja zapoved*, *novo zapoved vam dam*, *izdajam povelje*. The verb *zapovedovati* is never used performatively in the commandments of the Old Testament. The first person singular form only reports a given situation. In their performative use the prescriptive verbs signal a new situation.

Keywords: analysis, performative, Bible, prescriptive, Slovenian

1. Крупные перемены во взглядах на методы исследования и изучения языка произошли в американской лингвистике в 60-е годы. Вместо формальных правил генеративной лингвистики, появившейся в свое время кометой на горизонте языкознания и концентрировавшей свое внимание на синтаксисе, на первый план выдвинулись значение, употребление и функционирование языковых единиц в речи, проблемы, связанные с изменениями в языковой и социальной среде, с отношениями языка к человеку, говорящему на этом языке, и наоборот.

2. Современная лингвистика различает семантические и прагматические значения, пересекающиеся друг с другом в своем проявлении, при этом прагматическое значение выражает отношение говорящих (или пишущих) к знакам и воздействие знаков на людей. Ф. Папп в своей обзорной статье, обращая внимание лингвистов на функционально-системный подход к описанию языка и речи, утверждает, что иногда целые диалоги понятны только с учетом некоторых прагматических правил, и что в таких случаях недостаточен обычный синтактико-семантический анализ¹. Той же точки зрения придерживается и О. П. Рассудова, которая отмечает, что для разработки функционального описания языка актуальны исследования целостных речевых единиц, в частности высказываний как минимальных коммуникативных единиц, в которых непосредственно осуществляется использование языковых средств в соответствии с коммуникативным намерением говорящего².

¹ Папп Ф. Функционально-системный подход к описанию русского языка как иностранного: VI Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Будапешт 1986, 3.

² Рассудова О. П. Смысл высказывания и языковые категории. Русский язык за рубежом, № 3, Москва 1990, 88.

Итак, в современной лингвистике понятие значения расширилось, «претерпев дальнейшую прагматизацию», и оказалось связанным с намерением говорящего произвести некоторое воздействие на адресата. Лингвистическая философия (философия «обыденного языка») включила в круг своих интересов динамический аспект речи: установки (интенции), их взаимодействие с пропозициями, ситуативные условия (изучение словесного и ситуативного контекста) и цели коммуникации³. Одним из результатов этого направления явилась теория речевых актов, связанная с именами Дж. Остина и Дж. Серля.

3. Наиболее подробно темой перформативности занимался Дж. Остин, но в разработке этого вопроса мы отдаем приоритет выдающемуся польскому аспектологу Э. Кошмидеру, поскольку в лингвистической литературе он первым раскрыл сущность перформативности (у него «коинциденции»)⁴, т. е. мы имеем в виду настоящую коинциденцию (совпадение) слова и действия, когда само действие и произнесение глагола, обозначающего это действие, совпадают. Иначе говоря, высказывание совпадает с действием, обозначенным перформативным глаголом (например, речевой акт просьбы совершается лишь произнесением всего высказывания).

3.1. Для эксплицитных перформативов обычно характерно функциональное выделение формы первого лица единственного числа настоящего (иногда простого будущего) времени изъявительного, реже сослагательного наклонения.

4. В Библии мы насчитали лишь 30 эксплицитных перформативов, входящих в следующие группы: 1) специализированные сообщения и утверждения (в основном остиновские *expositives*), 2) обещания, клятвы (остиновские *commissives*), 3) просьбы, 4) предложения и советы (часть остиновских *exercitives*). 5) *прескриптивы* (*перформативы предписания*), 6) разрешения, 7) прощения, 8) названия и назначения (в основном вендлеровские *operatives*), 9) поручения, 10) глаголы благословения и 11) перформативы, выражающие речевые ритуалы⁵.

5. Наша статья посвящена т. н. *прескриптивным глаголам и конструкциям*. В книгах Ветхого и Нового завета имеются лишь три глагола и три конструкции, обозначающих предписание (*zapovedovati* (*zapovedujuj*), *ukazovati* (*ukazujuj*), *naročati* (*naročam*), *to je moja zapoved, novo zapoved vam dam, izdajam povelje*).

5.1. Глаголы заповеди, обозначающие: 1) религиозно-нравственное предписание, 2) непреложное повеление, 3) строго обязательное прави-

³ Арутюнова Н. Д. Лингвистическая философия: Лингвистический энциклопедический словарь. Москва 1990, 269.

⁴ KOSCHMIEDER E. Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempussystem im Präsens: Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig 1930, 352.

⁵ Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре: Известия Академии наук СССР Серия литературы и языка, 45/3. Москва 1986, 209, 210.

ло поведения в книгах Ветхого завета никогда не выступает в перформативной позиции, т. е. в главном предложении:

(1) — Ničesar ne dodajajte besedi, *ki vam jo zapovedujem*, in ničesar ji ne odvezajte, da boste izpolnili zapovedi Gospoda, svojega Boga, *ki vam jih zapovedujem!* (Peta Mojzesova knjiga, 4).*

— Vso besedo, *ki vam jo zapovedujem*, vestno izpolnjujte; (Peta Āijzesova knjiga, 13).

— Kajti če boste vestno izpolnjevali vso to zapoved, *ki vam jo ukazujem izpolnjevati*, in ljubili Gospoda, svojega Boga, hodili po vseh njegovih poteh in se ga držali, bo Gospod pregnal pred vami vse te narode in razlastili boste narode, večje in močnejše od sebe (Peta Mojzesova knjiga, 11).

— Pazi na to, *kar ti danes zapovedujem!* (Druga Mojzesova knjiga, 34).

У. Энгел, подобно Дж. Серлю⁶, утверждает, что в сложных предложениях главное предложение передает иллокутивное намерение говорящего, а придаточное — пропозицию, пропозициональное содержание высказывания («propositional content»)⁷.

В обыденном языке не наблюдаются такие конструкции, в которых перформативный глагол с иллокутивной функцией выступал бы в придаточной части сложного предложения. Заметим, что Дж. Остин в самом начале его исследовательской работы различал т. н. констативы (иллокутивные глаголы, выполняющие дескриптивную, или описательную функцию) и перформативы, которые в отличие от констативов не интерпретируют, а осуществляют действие⁸. Вместо термина «констатив» мы используем более подходящий термин «дескриптив», взятый у Ю. Д. Апресяна⁹.

В пятой главе Пятой книги Моисеевой говорится о том, что Моисей, осуществляя посредничество между Господом и народом, пересказывает Израилю заповедь Господа: «Mojzes naj posreduje med Bogom in ljudmi» (Peta Mojzesova knjiga, 5). Заповедь — это по своей сути откровение, «двойная речь», эксплицитная форма которой, по мнению П. Рикёра, приближает понятие заповеди к понятию инспирации (т. е. «голоса, скрывающегося за голосом»)¹⁰. Э. Бенвенист подчеркивает, что перформативное высказывание, будучи действием индивидуальным и исторически конкретным, не может быть повторено. Всякое воспроизведение перформативного действия есть новое действие, совершаемое тем, кто имеет на это право. В противном случае воспроизведение перформативного высказывания другим лицом неизбежно

* Примеры взяты из издания Библии «Sveto pismo: Stare in Nove zaveze». Svetopisemska družba Slovenije, Ljubljana 2000.

⁶ SEARLE J. L. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge 1969, 30.

⁷ ENGEL U. Deutsche Grammatik I. Budapest 1992, 71, 72.

⁸ AUSTIN J. L. Performativ — Constativ. In: Cahiers de Royaumont. 1958, 271.

⁹ Апресян Ю. Д. Указ. соч. 1986, 209, 210.

¹⁰ RICOEUR P. Bibliai hermeneutika. Budapest 1995, 15.

превращает его в высказывание дескриптивное¹¹. Древнееврейский язык как язык с развитой видовой системой чутко прореагировал на эту двойственность (на «двойную речь») тем, что вместо формы первого лица единственного числа перформативного настоящего в нем используется форма первого лица единственного числа дескриптивного актуального настоящего, которая выступает в составе определительного придаточного предложения. Заметим, что дескриптивное актуальное настоящее отличается от перформативного настоящего своим временным и частным видовым значением. Здесь речь идет о т. н. грамматической аффиксальной омонимии: форма первого лица единственного числа в составе придаточного определительного используется в неперформативной функции, т. е. она является квазиперформативом.

Поскольку глагольные формы (императив, конъюнктив и др.) главной части сложного предложения на уровне глубинной структуры имплицитно уже передают иллокуцию заповеди, форма *zapovedujem* в придаточном определительном анафорически лишь упоминает о происходящем, лишь повторяет и подтверждает сказанное в главном предложении. Повторение или воспроизведение той же ситуации А. В. Бондарко называет «данной ситуацией», передаваемой глаголами НСВ, в противоположность глаголам СВ, которые сигнализируют «возникновение новой ситуации»¹². Форма *zapovedujem* в придаточном определительном фиксирует данную ситуацию, не имплицитно изменяя положения дел, она лишь повторяет и подтверждает предшествующую речь.

Дескриптивное актуальное настоящее можно называть и *незакрытым настоящим*, поскольку его границы в нашем сознании стираются, т. е. неважно, когда начинается и когда заканчивается действие. Наше внимание направлено на срединный момент речи, движущийся от прошлого через настоящее к будущему. Фигурирующие в вышеприведенных придаточных определительных предложениях глаголы заповеди представляют действие в процессе его протекания, т. е. выступают в актуально-процессном частном видовом значении и отвечают на вопрос: *Что ты сейчас делаешь?* Это не характерно для перформативного актуального настоящего, за которым закрепляется актуально-фактическое частное видовое значение.

5.2. При перформативном употреблении глаголы предписания, фигурируя в главном предложении, передают иллокуцию высказывания. Перформативные глаголы НСВ в перформативной позиции приобретают перфективно-результативное значение: имплицитно изменяя, изменяя, изменяя

¹¹ Бенвенист Э. Аналитическая философия и язык. В кн.: Общая лингвистика. Москва 1974, 308.

¹² Бондарко А. В. К вопросу о функциях в грамматике: Известия АН Серия литературы и языка, 51. Москва 1992, 22.

они фиксируют возникновение новой ситуации в условиях одного *ego*, одного *hic* и одного *nunc*.

Перформативный глагол НСВ в перформативной позиции (независимо от вида) выражает целостное действие, начало и конец которого говорящему известны. Итак, действие эксплицитных перформативов осуществляется в речевом акте коммуникации, где опорой высказывания является не момент речи, а *целостная ситуация закрытого настоящего*. Перформативное настоящее можно называть и *закрытым настоящим*, действие которого начинается и заканчивается в настоящем. В перформативных высказываниях внимание обращено не на момент речи, а на продолжительность речи (*Dauer der Rede*), на определенное время речевого акта. В этом отношении мы придерживаемся взгляда Ю.Д. Апресяна, который указал на то, что внутреннее время перформативных глаголов — «это период, а не момент»¹³.

5.2.1. Нельзя говорить о заповеди там, где в книгах Ветхого и Нового завета цари, короли приказывают, как например, в нижеследующих высказываниях (2). Поскольку в таких высказываниях нет «двойной речи», свойственной заповеди в книгах Ветхого завета, перформативность их вполне возможна:

(2) (*Kralj Nebukadnezar*): *Zato zdaj ukazujem*: «Kdor koli, ne glede na ljudstvo, narod ali jezik, ki bi izrekel kletev zoper Šadrárovega, Mešáhovega in Abéd Negójevega Boga, bodi razsekan na kosce, njegova hiša spremenjena v razvaline; kajti ni drugega Boga, ki more rešiti, kakor je ta (Daniel, 3).

(*Kralj Kir*): *Izdajam pa tudi povelje*: Kdor koli prekrši ta odlok, naj iz njegove hiše izderejo bruno, njega samega obesio in pritrdijo nanj, njegovo hišo pa spremenijo v kup odpadkov (Ezra, 6).

5.2.2. Нельзя говорить о заповеди и «двойной речи» и там, где в книгах Ветхого завета Моисей обращается к народу от своего имени: в таком случае речь идет об одном важном свойстве перформативного высказывания, о «свойстве уникальности», о том, что перформативное действие относится к отдельному лицу (к отдельному говорящему), оно осуществлено «один и только один раз, в определенное время и в определенном месте»¹⁴. В тех случаях, когда Моисей обращается к народу от своего имени, в русском языке вместо глагола *заповедовать* используется глагол *повелевать*, само собой разумеется, в перформативном значении:

(3) Spomni se, da si bil suženj v Egiptu in da te je Gospod, tvoj Bog, odkupil od tam! *Zato ti zapovedujem*, da izpolniš to besedo (Peta Mojzsova knjiga, 24).

— Помни, что и ты был рабом в Египте, и Господь освободил тебя оттуда: *поспеу я и повелеваю тебе делать сие* (Втор 24. 18).

¹³ Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. В сб.: Русистика сегодня. Москва 1988, 78.

¹⁴ Бенвенист Э. Указ. соч. 1974, 307.

— Ker v deželi ne bo zmanjkalo revezev, ti zapovedujem in pravim: «Široko odpiraj svojo roko bratu, ubožen in revežu v svoji deželi!» (Peta Mojzesova knjiga, 15).

— Ибо нищие всегда будут среди земли твоей; *потому я и повелеваю тебе*: отвержай руку твою брату твоему на земле твоей (Втор 15. 11).**

Приведенные словенские (2) (3) и русские (3) примеры показывают, что *при приказании* говорящий совершает авторитарный акт, основанный на беспрекословном подчинении власти, поскольку его выполнение предусмотрено законом. Это придает приказанию правовую силу (силу закона). Невыполнение адресатом приказания может вызвать против него санкции, повлечь за собой наказание в определенном законном порядке¹⁵.

5.3. В книгах Нового завета исчезает «двойная речь», и поэтому глаголы *zapovedujem, naročam* и конструкции *novo zapoved vam dam, to je moja zapoved*, употребленные в главном предложении, проиобретают перформативное значение. Поскольку Христос (в одном и том же лице) олицетворяет собою и Бога и человека, то он не пересказывает слова Бога, а изрекает, высказывает их как свои:

(4) (Христос): *Novo zapoved vam dam, da se ljubite med seboj! Kakor sem vas jaz ljubil, tako se tudi vi ljubite med seboj!* (Evangelij po Janezu, 13).

— *To je moja zapoved, da se ljubite med seboj, kakor sem vas jaz ljubil* (Evangelij po Janezu, 15).

— *To vam naročam, da se ljubite med seboj* (Evangelij po Janezu, 15).

5.4. Иллокутивный акт заповеди может передаваться и формами третьего лица единственного числа, когда говорящий (или пишущий) пересказывает, т.е. интерпретирует заповедь Господа. В таких случаях снимается и та автореферентность глагола заповеди, которая обнаруживается не только в перформативных высказываниях (4), но и в высказываниях с придаточным определительным (1). В таких ситуациях референциальное время формы настоящего времени относится к прошлому (обычно к близкому прошлому): форма настоящего времени просто называет событие, которое до момента речи совершилось, не теряя при этом актуальности в настоящем (5). Это прагматически объясняется анафорической ролью видов, которые способны указывать как на предшествующие, так и на последующие моменты ситуации. Говорящий хочет, чтобы адресат воспринимал событие так, как будто оно происходит или совершается на глазах адресата, т.е. в момент речи:

(5) — *Danes ti Gospod, tvoj Bog, zapoveduje, da izpolnjuj te zakone in odloke; vestno jih torej izpolnjuj z vsem srcem in vso dušo!* (Peta Mojzesova knjiga, 26).

— *Tole zapoveduje Gospod glede Celofhádovih hčera: Naj se omožijo s tistimi, ki so jim všeč;* (Četrta Mojzesova knjiga, 36).

** Русские примеры взяты из издания Библии «Книги священного писания Ветхого и Нового завета». Москва 1968.

¹⁵ Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. Szeged 1993, 157.

Такой тип употребления Г. И. Кустова и Е. В. Падучева назвали «квазиперформативом»¹⁶. На наш взгляд, там, где исчезает «уникальность» речевого акта, там, где обнаруживается «двойная речь», там нельзя говорить о перформативном употреблении глагола, поскольку речевой акт при двойной речи оказывается разорванным не только в пространственном, но и во временном отношении. При таком употреблении говорящий (т.е. посредник), передавая слова субъекта (здесь: Господа), лишь пересказывает, т.е. интерпретирует заповедь Господа, который поручил ему передать адресату его повеление, заповедь.

6. Уже из нашего исследования выявляется, что Кошмидер, по данным Ст. Шкрабца, пришел к ошибочному заключению, что в словенском языке в позиции конциденции (перформативности) используются лишь глаголы совершенного вида («Der Hauptunterschied zwischen dem Slovenischen und dem Polnischen besteht darin, daß im Slovenischen in der Koinzidenz die Perfektivität verwendet werden muß»)¹⁷. Познакомившись со статьей словенского лингвиста Александры Дерганц, мы убедились в том, что в словенском языке в ситуации коинциденции кроме форм СВ часто используются и формы НСВ¹⁸. При нашем исследовании перформативов заповеди нам встретился всего один пример, и тот только в перформативной конструкции («*novo zapoved vam dam*»), в котором коинциденция выражена глаголом СВ.

6.1. Приведем еще два примера в доказательство того, что глагол заповеди в придаточном определительном используется в неперформативной функции. Русский и немецкий переводы убеждают нас в том, что глагол *zapoved* несет в себе значение будущего времени:

(6') — Ti mu povej vse, kar ti zapovem, tvoj brat Aron pa naj govori faraonu, da odpusti Izraelove sinove iz svoje dežele (Druga Mojzesova knjiga, 7).

— Du sollst reden alles, was ich dir gebieten werde; aber Aaron, dein Bruder, soll's vor Pharaon reden, daß er die Kinder Izrael aus seinem Lande lasse (2. Mose, 7).***

(6'') — Zdaj pa, moj sin, poslušaj moj glas, kaj ti zapovem! (Prva Mojzesova knjiga, 27).

— Теперь, сын мой, послушайся слов моих в том, что я прикажу тебе! (Быт 27: 8).

7. В заключение можно отметить, что заповедь в книгах Ветхого завета, будучи «двойной речью», никогда не выступает в перформативной функции. В книгах Нового завета глаголы и глагольные конструкции, выражающие заповедь, могут иметь перформативную функцию, поскольку там исчезает двойственность речи.

¹⁶ Кустова Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях. В сб.: Логический анализ языка. Язык речевых действий. Москва 1994, 31.

¹⁷ KOSCHMIEDER E. Указ. соч. 356.

¹⁸ Дерганц А. Несколько заметок в связи с перформативными глаголами в русском и словенском языках: Filologia, 20–21. Zagreb 1992–1993.

*** Немецкий пример взят из издания Библии «Heilige Schrift Alten und Neuen Testaments». Berlin 1914.

7.1. Фигурирующая в придаточном определительном форма первого лица единственного числа анафорически лишь повторяет и эксплицирует ту иллокуцию, которая имплицитно уже выражена разными глагольными формами в главном предложении.

7.2. Форма первого лица единственного числа настоящего времени глаголов заповеди, выступающая в придаточном определительном, приобретает частное видовое значение актуального процесса, а форма, выступающая в главном предложении, — значение актуального факта. В аспектуальном отношении противопоставляются актуально-процессное и актуально-фактическое частные видовые значения. В темпоральном отношении противопоставлены дескриптивное актуальное настоящее и перформативное настоящее, или иначе: *незакрытое* и *закрытое настоящее*.

7.3. При дескриптивном употреблении глаголы предписания передают «данную ситуацию», а при перформативном употреблении — «возникновение новой ситуации».

7.4. Таким образом, при определении значения языковой единицы необходимо обратиться к прагматике, изучающей не только словесный контекст, но и всю ситуацию, в которой осуществляется речевой акт.